

МИРА ЛИНЧ

Мой
сын —
моя
гордость! ♥

Мама
знает
лучше! ♥

Он
всё ещё
мой
мальчик ♥

Любовь
не терпит
контроля ♥

Сыночка- корзиночка

♥ Мама против любви ♥

Мира Линч

Сыночка-корзиночка.

Мама против любви

<https://litres.ru/74559812>

Аннотация

Максу тридцать. Он красив, успешен и... совершенно мамин.

Мама выбирает ему рубашки, контролирует его жизнь и искренне уверена, что лучше неё никто не знает, какая женщина нужна её сыну.

А потом появляется Лера.

Она не собирается становиться Максу второй мамой — и уж точно не собирается просить разрешения на их любовь.

Теперь Максу предстоит решить, что важнее: всегда быть маминым мальчиком или наконец стать мужчиной, который сам выбирает, кого любить.

Потому что мама против их любви.

А Лера — против того, чтобы делить любимого мужчину с его мамой.

Содержание

Глава 1. Тридцать лет и всё ещё мальчик	4
Глава 2. Женщина, которая не спрашивает разрешения	15
Глава 3. Проект, который всё изменил	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава 1. Тридцать лет и всё ещё мальчик

Утро началось с телефонного звонка, и Максим Александрович Воронов, успешный менеджер по развитию крупной строительной компании, тридцати лет от роду, красивый, как картинка из глянцевого журнала, и абсолютно уверенный в себе мужчина, даже не посмотрел на экран, прежде чем ответить. Он просто знал. Всегда знал.

— Доброе утро, мам.

— Доброе утро, солнышко. Ты уже завтракал? Я звонила полчаса назад, но ты, наверное, был в душе. Ты в порядке? Голос какой-то вялый. Ты не заболел?

Макс улыбнулся, проходя на кухню своей просторной квартиры с панорамными окнами и минималистичным дизайном. Дизайн, разумеется, выбирала мама. Она же настояла на том, чтобы кухня была «функциональной и светлой», а гостиная — «не захламлённой всякой ерундой». Макс не возражал. В конце концов, мама всегда лучше знала, что ему нужно.

— Нет, мам, я не заболел. Я в порядке. Просто не выспался немного.

— Опять сидел до ночи за своим компьютером? Максик, я же говорила, что это вредно. От экрана портится зрение,

а потом ты будешь жаловаться, что у тебя голова болит. Я тебе привозила чернику, ты её ел? Черника очень полезна для глаз.

— Ел, мам. Спасибо.

Он открыл холодильник и достал упаковку греческого йогурта. Мама бы, конечно, сказала, что это «не еда», и настояла бы на полноценном омлете с овощами. Но мама не видела, а значит, можно было слегка схалтурить.

— Что ты ешь?

Макс замер с открытой крышкой йогурта в руке. Иногда ему казалось, что в маме скрыт какой-то радар, способный улавливать мысли о неправильном питании на расстоянии.

— Творог, — соврал он и тут же почувствовал укол совести. Врать маме было плохо. Мама всегда это чувствовала.

— Не ври мне, Максим. Я слышу, как ты открываешь пластиковую упаковку. Это опять йогурт? Сколько раз я тебе говорила, что там сплошные консерванты и сахар. Ничего полезного. Я вчера приготовила твою любимую запеканку. Привезу вечером.

— Мам, не надо, у меня всё есть.

— У тебя ничего нет. Ты просто не понимаешь. В твоём возрасте уже надо следить за питанием. Метаболизм замедляется, и если ты не хочешь к сорока отрастить живот, как у твоего отца, то должен слушать мать.

Макс вздохнул. Про отца было запрещённым приёмом, но мама использовала его без зазрения совести. Отец ушёл из

семьи, когда Максу было десять, и мама всю жизнь доказывала, что она справляется лучше. И она справлялась. Макс вырос здоровым, образованным, успешным. Он не пил, не курил, не гулял по ночам. Он был идеальным сыном. Маминым сыном.

— Хорошо, мам. Привози.

— Умница. И ещё, Максик. Ты помнишь, что в четверг у тебя важная встреча с инвесторами?

— Помню.

— Что ты наденешь?

Макс посмотрел на свой гардероб, мысленно перебирая рубашки. У него было их двадцать семь. Все куплены мамой. Все отглажены мамой. Все висели в идеальном порядке, который тоже поддерживала мама.

— Синюю рубашку? — предположил он, зная, что угадает.

— Нет, не синюю. Синяя — для переговоров с партнёрами. Для инвесторов нужна уверенность. Надень серую, в тонкую полоску. Она делает тебя серьёзнее. И галстук не забудь. Тот, тёмно-бордовый, который я тебе подарила на Новый год.

— Хорошо, мам.

— И ещё. Я тут подумала... Может быть, тебе стоит захватить к Оле?

Макс замер. Вот оно. Началось.

— К Оле? Зачем?

— Ну как зачем, Максик. Она такая хорошая девушка. Умная, красивая, из приличной семьи. И она так хорошо к тебе относится. Я вчера с ней разговаривала, она спрашивала, как у тебя дела.

— Ты разговаривала с Олей? — Макс почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось. — Зачем?

— А что такого? Она мне позвонила, поздравила с прошедшим днём рождения. Мы поболтали. Она сказала, что скучает. Максик, я не понимаю, почему вы расстались. Она была идеальной парой для тебя.

«Идеальной парой для тебя» — это означало «удобной для мамы». Оля умела улыбаться, когда нужно, молчать, когда нужно, и всегда спрашивала разрешения, прежде чем что-то сделать. Оля была мягкой, податливой и абсолютно неконфликтной. Мама обожала Олю.

Макс не обожал Олю. Он даже не мог точно сказать, любил ли он её когда-нибудь. Просто встречался, потому что мама одобряла. Просто расстался, потому что... потому что что-то было не так. Он сам не мог объяснить.

— Мам, мы расстались полгода назад. Давай не будем.

— Я просто предлагаю. Не хочешь — не надо. Но подумай, Максик. Тебе уже тридцать. Пора задуматься о семье. А Оля — она же золото. Не то что эти... современные девушки. Которые только и думают, как бы поудобнее устроиться.

Макс знал этот тон. Это был тон, которым мама говорила о «современных девушках». В её понимании современная

девушка — это та, которая не спрашивает разрешения, не восхищается её сыном и имеет собственное мнение. Такие девушки были для мамы врагами.

— Хорошо, мам. Я подумаю.

— Вот и умница. Ладно, беги на работу. И не забудь про рубашку!

— Не забуду. Пока, мам.

— Пока, солнышко. Я тебя люблю.

— Я тоже.

Он положил трубку и посмотрел на йогурт в своей руке. Есть расхотелось. Макс выбросил упаковку в мусорку — мама бы оценила — и пошёл одеваться.

Серая рубашка в тонкую полоску. Бордовый галстук. Всё как сказала мама.

Работа была единственным местом, где Макс чувствовал себя по-настоящему взрослым. Здесь он был не «сыночкой», а Максимом Вороновым, руководителем отдела, человеком, который принимал решения, вёл переговоры, закрывал сделки. Здесь его уважали, к его мнению прислушивались, и никто не спрашивал, что он ел на завтрак.

Офис компании «СтройИнвест» занимал три этажа в современном бизнес-центре. Макс вошёл в лифт, кивнул охраннику, прошёл по коридору, здороваясь с коллегами. Всё было привычно, размеренно, предсказуемо.

До тех пор, пока он не увидел её.

Она стояла у стола секретаря, что-то оживлённо обсуждая

с Леной. Невысокая, с растрёпанными тёмными волосами, в джинсах и простой белой футболке, она совершенно не вписывалась в офисный дресс-код. На ногах — кроссовки. В руках — огромный стакан кофе.

— Максим Александрович, — Лена подняла на него глаза, — познакомьтесь, это Валерия Андреева. Она новый специалист по маркетингу. Пришла к нам из «ГрадСтрой».

Макс кивнул, оценивающе глядя на новую сотрудницу. Джинсы. Футболка. Кроссовки. На работу. В первый день.

— Валерия, — сказал он холодно. — У нас существует определённый дресс-код.

Она обернулась, и Макс встретился с ней взглядом. Серые глаза, чуть насмешливые, смотрели на него без малейшего смущения. Она отхлебнула кофе и улыбнулась — не ему, а скорее какой-то своей мысли.

— Знаю, — сказала она легко. — Но у меня была встреча с клиентом за городом. Я предупредила Лену. Если это проблема, я могу переодеться в машине.

Макс почувствовал раздражение. Не из-за джинсов — чёрт с ними, с джинсами. Из-за тона. Она говорила с ним так, будто он был не начальником, а случайным прохожим, который зачем-то решил её побеспокоить.

— Это проблема, — сказал он сухо. — Впредь прошу соблюдать правила.

— Хорошо, — она пожала плечами и снова повернулась к Лене, мгновенно забыв о его существовании.

Макс прошёл в свой кабинет и закрыл дверь. Раздражение не проходило. Он сел за стол, включил компьютер и попытался сосредоточиться на отчёте, который нужно было закончить до обеда.

Но мысли упрямо возвращались к этой девушке. К её серым глазам. К тому, как она держала стакан с кофе — обеими руками, будто это было что-то драгоценное. К тому, как она улыбнулась — не ему, а кому-то невидимому, стоящему за его плечом.

Он никогда не встречал таких женщин. В его окружении все женщины были либо как Оля — мягкие, покладистые, готовые соглашаться. Либо как мама — сильные, но по-другому, через заботу и контроль. Эта же была... другой. Она не пыталась ему понравиться. Она вообще, казалось, не заметила, что он существует.

Это было непривычно. И раздражало.

В обед Макс спустился в столовую, чтобы выпить кофе. Он не собирался есть — мама бы расстроилась, что он ест «эту столовскую еду», — но кофе был необходим. Голова гудела от цифр и таблиц.

Он взял чашку и направился к свободному столику у окна, как вдруг услышал знакомый голос.

— ...и я ему говорю: «Слушай, если ты не понимаешь разницы между вирусным контентом и спамом, тебе не в маркетинге работать, а в отделе жалоб и предложений». Он так обиделся!

Это была она. Валерия. Сидела с двумя коллегами из маркетингового отдела, ела салат и рассказывала что-то, отчаянно жестикулируя.

— Лер, ты вообще никого не боишься, — сказал один из коллег, парень с бородой.

— А чего бояться? — она пожала плечами. — Я работу свою хорошо делаю. Если кто-то не согласен, пусть аргументирует. Я всегда открыта к диалогу.

Макс невольно прислушался. Она говорила громко, уверенно, не оглядываясь на то, что кто-то может её услышать. В её голосе была такая сила, такое спокойствие, будто она точно знала, кто она и чего хочет.

— А ты с нашим Вороновым познакомилась? — спросил второй коллега, девушка с короткой стрижкой.

— С кем? А, с этим, в галстук? Да, он мне уже выговор сделал за джинсы.

— О, ты осторожнее с ним. Он такой... правильный. Всё по правилам, всё по струнке. И мама у него, говорят, та ещё.

Макс замер с чашкой в руке.

— Мама? — Валерия оставила вилку и посмотрела на коллегу с любопытством. — В смысле?

— Ну, все знают. Он маменькин сынок. Мама ему рубашки выбирает, звонит по десять раз на дню. Говорят, она даже на корпоративы с ним ходит.

— Серьёзно? — Валерия усмехнулась. — Взрослый мужик, а всё маму слушает?

— Ага. Так что если он тебе выговор сделал, не переживай. Это не он. Это мама.

Валерия рассмеялась — звонко, искренне. Макс почувствовал, как кровь приливает к лицу.

— Господи, — сказала она, отсмеявшись. — Бедный мужик. Ему тридцать-то есть?

— Тридцать.

— И он всё ещё маму слушает? Кошмар. Я бы так не смог. Я вообще не понимаю, как можно жить по чужой указке. Это же не жизнь, а сплошное «мама сказала».

Макс резко развернулся и пошёл к выходу. Кофе он так и не выпил.

Он не был маменькиным сынком. Он просто уважал свою мать. Она столько для него сделала. Она вырастила его одна. Она всегда желала ему только лучшего. И если она советовала, какую рубашку надеть, — это же не значит, что он не мог решить сам. Просто её выбор был лучше.

Да, лучше.

Он вернулся в кабинет и с силой закрыл дверь. На столе зазвонил телефон. Мама.

— Максик, ты пообедал?

— Да, мам.

— Что ты ел?

— Салат.

— Какой салат? Ты же знаешь, что в столовой всё готовят на дешёвом масле. Лучше бы я тебе привезла...

— Мам, я на работе. Давай вечером.

— Хорошо, солнышко. Я просто волнуюсь. Ты сегодня какой-то странный. Что-то случилось?

— Ничего не случилось. Всё хорошо.

— Ты меня не обманываешь?

Макс закрыл глаза. Перед внутренним взором стояла она

— Валерия, с растрёпанными волосами и насмешливыми серыми глазами. Она говорила: «Бедный мужик. Ему тридцать-то есть?»

— Нет, мам. Не обманываю. Пока.

Он положил трубку и уставился в монитор. Отчёт не писался. Мысли разбегались, как испуганные птицы.

Он не маменькин сынок. Он просто хороший сын. Это разные вещи.

Разные.

Абсолютно разные.

Вечером Макс вернулся домой и обнаружил на кухонном столе запеканку. Мама приезжала. Она всегда приезжала, когда его не было. У неё был свой ключ. Свой порядок. Своя территория.

Он разогрел кусок запеканки и съел его стоя, у окна. Город внизу светился огнями. Красиво. Одиноко.

Телефон снова зазвонил.

— Максик, ты дома? Запеканку видел?

— Видел, мам. Спасибо. Очень вкусно.

— Я знала, что тебе понравится. Завтра привезу ещё. И

ещё, Максик... Я тут подумала. Может быть, в выходные съездим к бабушке? Она соскучилась.

— Хорошо, мам.

— И ещё. Я записала тебя к стоматологу. В четверг, после работы.

— В четверг у меня встреча с инвесторами.

— Я знаю. Но стоматолог до шести. Ты успеешь.

— Мам, я не...

— Максик, не спорь. Зубы — это важно. Ты же не хочешь потом мучиться с болью?

Макс вздохнул. Он всегда сдавался. Всегда.

— Хорошо, мам. В четверг.

— Умница. Спокойной ночи, солнышко.

— Спокойной ночи.

Он положил трубку и посмотрел на запеканку. Она была вкусной. Мама готовила лучше всех. Мама всё делала лучше всех.

Так почему же ему так тошно?

Он не знал ответа. Он вообще в последнее время много чего не знал. Знал только, что завтра снова увидит её — эту Валерию в джинсах и кроссовках. И почему-то от этой мысли сердце билось быстрее.

А может, просто кофе был крепкий.

Да. Наверное, кофе.

Глава 2. Женщина, которая не спрашивает разрешения

Вторник начался с того, что Макс опоздал на работу. Не катастрофически, всего на двадцать минут, но для человека, который за всю свою карьеру ни разу не нарушал трудовую дисциплину, это было почти преступлением. А всё потому, что мама позвонила ровно в тот момент, когда он уже стоял в дверях с ключами в руке, и принялась подробно объяснять, какую именно запеканку она собирается приготовить в среду и почему ему категорически нельзя есть её холодной.

Он слушал. Кивал. Говорил «хорошо, мам» и «да, мам» и «конечно, мам», потому что иначе было нельзя. А потом посмотрел на часы, тихо выругался, чего себе почти никогда не позволял, и побежал к машине.

В лифте он пытался убедить себя, что это единичный случай. Что завтра он встанет раньше, позавтракает быстрее, ответит маме короче. Что его жизнь подчиняется ему, а не наоборот.

Лифт остановился на четвёртом этаже, двери открылись, и в кабину влетела она.

Валерия.

На этот раз она была в чёрных брюках и свободной блузке горчичного цвета. Волосы собраны в небрежный хвост, из

которого немедленно выбивались несколько прядей. В одной руке — стакан кофе, в другой — планшет с налипшими на экран стикерами. Она влетела в лифт, как метеор, едва не задев Макса плечом, и нажала кнопку своего этажа.

Потом обернулась.

— О, — сказала она, узнав. — Господин начальник.

Макс почувствовал, как внутри всё напряглось. «Господин начальник». Произнесено с лёгкой усмешкой, без капли уважения, которое он привык слышать от подчинённых.

— Валерия, — ответил он сухо. — Вы всегда врываетесь в лифты, как в горящий дом?

— Только когда опаздываю. А я всегда опаздываю. — Она отхлебнула кофе, ничуть не смутившись. — Это мой личный стиль.

— Впечатляющий стиль.

— Спасибо. Стараюсь.

Лифт поднимался медленно, и молчание становилось неловким. Макс смотрел прямо перед собой, на двери лифта, изо всех сил делая вид, что не замечает её. Но он замечал. Замечал всё — запах её духов, что-то цитрусовое и свежее, лёгкую морщинку между бровями, будто она что-то мысленно просчитывала, и то, как она держала планшет — как щит, прижав к груди.

— У вас встреча сегодня с инвесторами? — спросила она вдруг.

Макс удивлённо посмотрел на неё.

— Откуда вы знаете?

— Лена сказала. Она вообще всё знает. Я думаю, она тайный агент.

— Возможно.

— Удачи, — сказала Валерия просто. — Инвесторы — это как зубные врачи. Все боятся, но все идут.

Макс невольно усмехнулся. Не ожидал.

— Спасибо.

Лифт остановился на её этаже. Валерия вышла, но у самых дверей обернулась.

— И кстати, — сказала она, — серая рубашка в полоску — это хороший выбор. Серьёзно, но не пафосно. У вас, видимо, отличный стилист.

Она исчезла за поворотом коридора раньше, чем Макс успел ответить. Он стоял в лифте, глядя на закрывшиеся двери, и чувствовал, как в груди что-то странно сжалось.

Она заметила рубашку.

Она заметила.

Мама тоже заметит. Мама скажет, что она правильно выбрала. Мама похвалит его за то, что он послушался.

Но Валерия... Валерия сказала это так, будто это была его заслуга. Будто это он сам выбрал.

Лифт остановился на его этаже, двери открылись, и Макс вышел, всё ещё думая о ней.

Встреча с инвесторами прошла хорошо. Отлично, даже. Макс говорил уверенно, отвечал на вопросы чётко, и в конце

один из инвесторов, пожилой мужчина в дорогом костюме, пожал ему руку и сказал: «С вами приятно иметь дело, молодой человек».

Макс вернулся в кабинет с чувством, которое испытывал нечасто — чувством собственной значимости. Настоящей, не той, которую давала мама своими бесконечными «ты у меня умница».

Он сел за стол и достал телефон, чтобы написать маме. Она всегда ждала отчёта.

«Встреча прошла успешно. Всё хорошо».

Ответ пришёл мгновенно, будто мама сидела с телефоном в руке.

«Умница, солнышко! Я знала. А что ты ел на обед?»

Макс посмотрел на сообщение. Встреча с инвесторами, переговоры, подписанные документы — всё это сжалось до одной строчки «умница», а потом сменилось вопросом про обед.

Он не ответил. Впервые за долгое время просто убрал телефон в ящик стола и пошёл в столовую.

Валерия сидела за тем же столиком, что и вчера, но на этот раз одна. Перед ней стоял поднос с супом и салатом, а рядом лежал раскрытый ноутбук, на экране которого мелькали какие-то графики. Она ела, не глядя на еду, и одновременно что-то печатала одной рукой.

Макс остановился в дверях. Он мог пройти мимо. Мог сесть за другой столик. Мог вообще уйти.

Он подошёл и остановился рядом.

— Можно?

Валерия подняла на него глаза. В них мелькнуло удивление, быстро сменившееся любопытством.

— Свободная страна, — сказала она и отодвинула ноутбук, освобождая место.

Макс сел. Он сам не понимал, зачем это делает. Просто сел.

— Я слышала, встреча прошла хорошо, — сказала Валерия, возвращаясь к супу. — Лена уже в курсе. Она передала по офису.

— Лена — это что-то невероятное.

— Я же говорила, тайный агент.

Они помолчали. Макс смотрел, как она ест — быстро, неаккуратно, будто суп был досадной помехой на пути к чему-то более важному. Он никогда не видел, чтобы женщина ела так. Оля ела медленно, изящно, следя за каждым движением. Мама ела с достоинством, будто за столом сидели зрители.

Валерия ела так, будто ей было плевать.

— Вы всегда так работаете? — спросил он, кивнув на ноутбук.

— В смысле?

— Едите и работаете одновременно.

— А, это. — Она усмехнулась. — Да, всегда. Не могу просто сидеть и жевать. Мысли всё равно бегут. Лучше уж их

записывать.

— А если мысли не бегут?

— Тогда я думаю о том, почему они не бегут. — Она отложила ложку и посмотрела на него прямо, без тени смущения. — А вы, Максим Александрович, всегда едите в одиночестве?

— Я... — Макс замялся. — Обычно да.

— Почему?

— Не знаю. Так сложилось.

— «Так сложилось» — это не ответ. — Валерия откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. — Это отговорка. Люди едят одни, потому что им так удобнее, или потому что их никто не зовёт, или потому что они боятся, что кто-то увидит их неидеальными. Вы из какой категории?

Макс почувствовал, как внутри поднимается раздражение. Она снова это делала. Говорила с ним так, будто имела право задавать вопросы. Будто он был не её начальником, а пациентом на приёме у психолога.

— Вы всегда так прямолинейны? — спросил он холодно.

— Всегда. Это экономит время. — Она улыбнулась, но в улыбке не было насмешки. Скорее, что-то другое. Что-то похожее на интерес. — Не обижайтесь. Я не хотела вас задеть. Просто мне правда интересно.

— Что именно?

— Почему взрослый мужчина с такой внешностью, — она окинула его взглядом, быстрым, оценивающим, но без пош-

лости, — и такой должностью ест в столовой один, хотя мог бы обедать в ресторане с кем угодно.

Макс не нашёл что ответить. Он сам не знал почему. Точнее, знал, но не хотел признаваться даже себе.

Потому что мама сказала, что столовая — это «надёжно и недорого». Потому что мама сказала, что рестораны — это «пустая трата денег». Потому что мама сказала...

— У меня есть дела, — сказал он наконец. — И я не люблю тратить время на еду.

— Ясно. — Валерия кивнула, но в её глазах промелькнуло что-то, что говорило: она не поверила. — Ладно. Не буду лезть. Ешьте свой салат.

Она снова уткнулась в ноутбук, и Макс понял, что разговор закончен. Он мог встать и уйти. Должен был встать и уйти.

Но не встал.

Он сидел и смотрел, как она печатает, как хмурится, как что-то зачёркивает и переписывает. Она была сосредоточена, увлечена, и в этом было что-то... притягательное. Она не играла роль. Не пыталась понравиться. Она просто была.

— Валерия, — позвал он.

Она подняла голову.

— Слушаю.

— Спасибо за совет насчёт рубашки. — Он сам не понимал, зачем это говорит. Просто слова вылетели раньше, чем он успел их остановить. — Я... учту.

Валерия улыбнулась — на этот раз по-настоящему, тепло, и от этой улыбки у Макса что-то перевернулось внутри.

— Всегда пожалуйста, — сказала она. — Обращайтесь, если что. Я хорошо разбираюсь в рубашках.

Она вернулась к работе, а Макс встал и пошёл к выходу. У дверей он обернулся. Валерия не смотрела на него. Она печатала, и в её профиле было что-то такое, от чего у него перехватывало дыхание.

Он вышел в коридор и прислонился к стене. Сердце колотилось. Ладони вспотели.

Что это было? Что это, чёрт возьми, было?

Вечером мама позвонила снова.

— Максик, ты дома?

— Да, мам.

— Я привезла запеканку. И ещё котлеты. Ты должен поесть как следует.

— Спасибо, мам.

— Ты какой-то странный сегодня. Голос не такой. Что-то случилось на работе?

Макс закрыл глаза. Перед внутренним взором стояла Валерия — с её растрёпанным хвостом, с её насмешливыми серыми глазами, с её улыбкой, от которой у него переворачивалось что-то в груди.

— Ничего не случилось, мам. Всё хорошо.

— Ты меня не обманываешь?

— Нет, мам.

— Тогда почему ты не сказал мне про встречу с инвесторами? Я ждала твоего звонка.

Макс понял, что действительно не позвонил. Он написал сообщение, но не позвонил. И мама это заметила.

— Прости, мам. Замотался.

— Замотался он. — В голосе мамы прозвучала обида. — Я весь день ждала. Я же волнуюсь. Ты же знаешь, что я волнуюсь.

— Знаю, мам. Прости. В следующий раз позвоню.

— Ладно. Иди ешь. И не забудь про стоматолога в четверг.

— Помню.

— Умница. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Он положил трубку и посмотрел на стол. Запеканка, котлеты, ещё какие-то контейнеры. Мама привезла еды на неделю. Она всегда так делала. Она заботилась.

Так почему же ему хотелось выбросить всё это в окно?

Он сел за стол и заставил себя съесть котлету. Она была вкусной. Всё, что готовила мама, было вкусным. Он ел и думал о Валерии. О том, как она ела суп — неаккуратно, быстро, будто суп был досадной помехой. О том, как она спросила: «Вы всегда едите один?»

Он не хотел признаваться, но в её вопросе была правда. Он ел один, потому что не знал, как есть с кем-то другим. Потому что не умел. Потому что всю жизнь рядом была мама, которая решала, что и как.

Он доел котлету и убрал тарелку в посудомойку. Завтра снова работа. Завтра снова она.

И почему-то от этой мысли становилось легче.

Глава 3. Проект, который всё изменил

В среду утром Макс вошёл в офис с твёрдым намерением не думать о Валерии Андреевой. Он убедил себ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.